

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. И. В. Калита

Усти над Лабем, Чешская Республика

ОБРАЗ ПЬЯНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация: В статье сквозь призму чешской и восточнославянской фразеологии рассматривается образ пьяного человека. «Отношения» человека с алкоголем отражаются в значительном количестве сравнительных конструкций с союзом «как». Чаще всего пьяного сравнивают с животными (свинья, скотина), действенным оказывается библейский маркер: Р. (*пьян*) *до положения риз*, Б. *да божай моцы напiцца*, Ч. *opilý pod obraz (boží)*. Алкогольная тема во фразеологии связана с мотивом искушения, искусителями выступают черт и змий. Во всех рассматриваемых языках присутствует формула [пьяный как какой-либо (ремесленник) / (предмет) / (явление природы)], а в грубой форме — как «стыдная» часть человеческого тела. Анализ словарей помог обнаружить ряд этнофразеологизмов: Ч. *opilý jako Dán*; Р. *пьян до положения риз*; Б. *набрацца як Марцін за рубля*; У. *п'яний як чiп*. Конец XX в. связан с процессом фразеологической инновации — в восточнославянские языки входит *пьяный мажор*. В русском разговорном словаре нашего времени появляются *пьян в сосиску* и *пьяный в щи*, в чешском — *na rokytku/Rokytku*. Рассмотренные фразеологизмы свидетельствуют о том, что человек в состоянии опьянения отдаляется от понятного ему «своего» мира и приближается к границе «чужого». При наличии индивидуальных характеристик, фразеологические образы пьяного человека у четырех славянских народов во многом схожи.

Ключевые слова: компаративная фразеология, фразеологизм, русский, белорусский, украинский, чешский, образ пьяного человека, эквивалент, стереотип, ассоциации, анималистический компонент.

Информация об авторе: Инна Владимировна Калита — доктор философии, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Университет им. Яна Евангелисты Пуркине, ул. Ческе младеже, д. 8, 40096 г. Усти над Лабем, Чешская республика. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0005-1425>. E-mail: inna.kalita@ujep.cz

Дата поступления статьи: 05.02.2020

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Калита И. В. Образ пьяного человека в зеркале славянской фразеологии // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 123–138. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-123-138>

Введение

Предметом анализа данной статьи является восточнославянская и чешская фразеология, тематически связанная с образом пьяного человека. Среди фразеологиз-

мов, характеризующих «отношения» человека с алкоголем, значительное место занимают сравнительные конструкции с союзом «как», приравнивающие пьяного человека к животному, предметам и явлениям. Это стилистически экспрессивные единицы с широким спектром оценочности, располагающиеся в области стандартного и субстандартного языка. Их изучение затруднено тем, что многие сниженные единицы не включены во фразеологические словари, а находятся в словарях сленга. Второй аспект изучения таких единиц: сопоставительный анализ единиц разных языков затруднен стилистической неравноценностью межъязыковых эквивалентов. Устоявшейся единице одного языка в другом, даже близкородственном, может соответствовать стилистически сниженная, вульгарная, грубая или, наоборот, в разной степени возвышенная единица. Объем фразеологии, связанной с данной темой, значителен, и он регулярно пополняется индивидуально-авторскими метафорами. Иногда пьянство характеризуют как национальную черту отдельного народа, хотя хмельные медовые напитки в древности были известны всем славянам; особенно популярной была *медовуха* (Ч. *medovina*, Б. *мядуха*, *медавуха*, У. *медуха*, *мед*, *квасний мед*, *варенуха*, восточнослав. *сбитень* / *збитень*). В древнечешском языке эти напитки называли «*med*». Чешский этнограф М. Беранова отмечает, что славяне готовили хмельные напитки в большом количестве [14, с. 127].

Для рассмотрения образа пьяного человека в качестве основного метода исследования мы будем использовать компаративный анализ, дополняя значения отдельных единиц лингвокультурологическим комментарием. В задачи входит вычленение общих и индивидуально-национальных фразеологических единиц (далее — ФЕ) четырех славянских языков: русского, белорусского¹, украинского и чешского. Материалом служит выборка фразеологизмов, отражающих характеристику человека в состоянии алкогольного опьянения, произведенная из больших фразеологических словарей названных языков, а также из переводных фразеологических словарей. Для наглядной характеристики образа пьяного человека в восприятии чехов воспользуемся «Чешско-русским фразеологическим словарем» А. Вурма и В. Мокиенко [27]. Чешские примеры рассмотрим в сравнении с их межъязыковыми восточнославянскими эквивалентами.

1. Образ пьяного человека в анималистических образах: *свинья, скотина*

Практически во всех культурах образ свиньи рассматривается как нечистый. Вне зависимости от того, представителя какого пола называют свиньей, речь идет

¹ Буква «а» в написании прилагательного белорусский (и единицах, образованных от «Беларусь») используется с целью обратить внимание на вопрос, который на протяжении 30 лет остается нерешенным. Жители постсоветских стран расценивают советские названия своих стран как устаревшие. После распада СССР бывшая БССР (Белоруссия) приняла официальное название — Республика Беларусь. Образовательный портал Грамота.ру в качестве первого варианта приводит устаревшую форму — *Белоруссия*, -и (*Республика Беларусь*) и прилагательное *белорусский*. Написание буквы «о» в названиях представителей нации, как и написание прилагательного *белорусский* с «о», логично не увязывается с современным официальным названием — *Беларусь*. Устаревшие названия — *Белоруссия*, *Byelorussia*, *Bielorussie*, *Weissrussland*, отражающие концептосферу советской эпохи и колониальный дискурс, сегодня звучат неэтично. В официальной документации ООН, представляющей документы на нескольких рабочих языках (<http://documents.un.org>), с учетом постсоветских изменений, используются варианты: англ. — *Belarus*, *Republic of Belarus*, *Belarusian history*, *The Belarusian Constitution*; испанск. *Belarús*, *República de Belarús*; фр. — *Bélarus*, *République du Bélarus*.

о негативной маркированности. И даже когда слова *свинка* / *поросеночек* используются с уменьшительно-ласкательными суффиксами и называют ребенка, характеристика эта несет хотя и мягкую, но все же не совсем положительную оценку. Возможно, негативная маркированность образа свиньи была изначально заложена библейским выражением *не мечите бисер перед свиньями* (Р. *метать бисер перед свиньями* = Б. *сыпаць бисер (перлы) перад свіннямі* = У. *метати (розкидати / розсипати) бисер (перли) свиням (перед свиньми)* = Ч. *házet perly sviniím* = Словацк. *hádzat' perly sviniám* = П. *rzucać perły przed wieprze*). Во ФЕ с компонентом *свинья* грамматические показатели мужского и женского рода практически не играют никакой роли.

«Существительное ж. рода свинья в русском языке используется для характеристики мужчин и женщин, и как бы “сплавляет” общие негативные характеристики обоих полов в единое целое, вычлняя сущность. В чешском языке в такой же функции используются две единицы — *prase* и *svině*; *svině* относится к грамматической категории ж. р. (*svině* — ‘самка’, *prase* с. р. — ‘самец’)» [8, с. 54], оба слова могут обозначать и мужчину, и женщину.

Свинья является наиболее частым образом, с которым сравнивают пьяного человека, в том числе и в чешском языке (см. таблицу 1).

Ožralý jako prase — пьяный как свинья (как скотина, как сапожник); *напился до поросычьего визга* [27, с. 404]; *je ožralý jako svině zhrub. Он напился (пьян) как последняя свинья; он свинья свиньей* [27, с. 510]. Данное сравнение очень ярко прослеживается во многих других языках: польск. *pijany jak świnia*, словацк. *opitý ako prasa*, нем. *voll sein wie ein Schwein*.

Анималистический компонент формирует межъязыковые эквиваленты: Р. *напился как свинья* = *пьяный как (последняя) свинья* = Б. *набраўся, як свіння / парася / дзюдзя (брагі)* = У. *нажертися, як свиня* = Ч. (*byt*) *opilý / vožralý jako prase / svině / čině*. Все восточнославянские языки крайнее состояние опьянения обозначают одинаково: Р. *напиться до поросычьего визга* = Б. *набрацца да парасячага піску* = У. *напитися до поросячого вереску*.

Культурологическая нагрузка образа свиньи в национальных картинах мира русских, белорусов и украинцев имеет отличия. В белорусском языке устойчивых единиц с компонентом свинья меньше, чем в русском. Это объясняется тем, что в национальной кухне свинине, наряду с картофелем, отведено почетное место. Блюда из картофеля и свинины имеют почти культовое значение. Образы домашней свиньи / поросенка (*парсюк, кнур*) и дикого кабана (*дзік, вяпрук*) представлены в белорусских народных сказках и фольклоре без ярко выраженных негативных характеристик.

Таблица 1 – Анималистические образы
Table 1 – Animalistic images

русский	беларусский	украинский	чешский
<i>пьяный как скотина</i>	<i>п'яная скаціна</i>	<i>п'яна / п'янюча скотина</i>	<i>je zpitý jako dobytek</i>
<i>пьяное быдло</i>	<i>п'янае быдла</i>	<i>п'яне бидло</i>	
		<i>п'яний як теля</i>	
			<i>opilý jako zvíře</i>

пьяный как (последняя) свинья	набрацца / набрацца як свіння / парася / дзюдзя (брагі / гразі)	нажертися, як свиня	je opilý / ^{sl} ožralý jako svině / prase / čuně
напиться до пороссяч'его визга	набрацца да парасячага піску	напитися до пороссяч'ого вереску	
	набраўся дыі брэша, як сабака		
	набрацца як жаба твані		

Значимость свиньи сходно запечатлена в белорусской и украинской культурах, традиционно основанных на сельском укладе. Хозяева сначала кормят домашнюю скотину, и только потом едят сами.

В отличие от русского восприятия, белорусский фольклор гораздо чаще видит причину пьянства в воздействии нечистой силы — черта. Черты не любят пьяных, издеваются над ними, хотя считается, что сами черты придумали водку / самогонку. Черты стремятся туда, где намечается выпивка или есть спиртное (свадьба, базар, вечеринка) и возможность насолить человеку (*дзе чарка, там і сварка*). Последняя стадия, к которой может привести пьяного мужчину черт, — это состояние, когда того сравнивают со свиньей (*напіўся як свіння*). Пьяный находится во власти черта до тех пор, пока не проспится (*прыйдзе да розуму*), в таких случаях о нем говорят — *калі / як п'яны, дык капітан, а калі / як праспіцца, дык свінні байца*. Однако по отношению к женщине выражение *напіцца як свіння* в белорусском языке неприменимо, говорят: *калі хочаш пабачыць чорта, то напай бабу* [8, с. 57].

Все рассматриваемые языки фиксируют сравнение пьяного со скотиной: Р. *пьяный как скотина, пьяное быдло* = Б. *п'яная скаціна, п'янае быдла* = У. *п'яна / п'янюча скотина, п'яне бидло* = Ч. *je zpítý jako dobytek*; и с другими животными: У. *п'яний як теля*, Р. *пить как лошадь*, Ч. *opilý jako zvíře*.

Чешская ФЕ *je zpítý jako dobytek* — пьяный как скотина (как свинья) [27, с. 112] дополняет ряд фразеосинонимов с анималистическим компонентом. Также как *ožralý jako prase / svině*, и как ФЕ *ožralý jako zvíře; opít se (ožrat se) jako zvíře* (нажраться (налакаться) как свинья; напиться как скотина [27, с. 356, 647], выражение *je zpítý jako dobytek* характеризует высокую меру опьянения.

2. Библийский маркер в образе пьяного человека

Фразеологизмы, запечатлевшие библейскую, религиозную или мифологическую тематику, относятся к более ранним периодам развития национальных языков: Р. (*пьян*) *до положения риз*, Б. *да божай моцы напіцца*, Ч. *opilý pod obraz (boží), vožralej jak zákon káže*. Причем русскую ФЕ (*пьян*) *до положения риз* — ‘до крайней степени опьянения, до невменяемости’ можно относить и к категории «образ ремесленника/профессии», так как ее первоначальное значение связано с человеком в рясе, т. е. представителем церкви. В отличие от других ФЕ с компонентом, называющим одежду, данное выражение можно относить к национально значимым, оно встречается только в русском языке. Подобная роль отведена в чешском языке ФЕ *je [opilý, ožralý, zpítý] pod obraz [boží]*.

Je [opilý, ožralý, zpítý] pod obraz [boží] — он напился как свинья; *opil se [ožral se, zpil se] pod obraz obraz [boží]* — он напился (пьян) до положения риз (в доску, в дым, вдрызг, вдребезги) [27, с. 350, 335].

Таблица 2 – Ассоциация с религией и мифологией
Table 2 – Association with religion and mythology

русский	беларусский	украинский	чешский
(пьян) до положения риз	да бо́жай моцы напіцца		<i>opilý pod obraz (boží)</i> <i>S↓vožralej jak zákon káže</i>
допить до зеленого змия	напіцца / набрацца да чорцікаў	напитися / насмоктатися до (зелених) чортиків напитися / допитися до зеленого / блакитного змія / до чортиків	
			<i>spatřit / vidět bílé myšky</i>

В лексике и фразеологии крайние точки эмоционального фона — противоположные состояния — могут отражаться одними и теми же единицами. Например, чешское *boží hovádko* в разных стилистических контекстах обозначает: (1) агнец божий и (2) олух царя небесного.

Ослабление сознательного контроля в состоянии опьянения ведет к эмоциональным «скачкам», внезапным вспышкам эмоций. Крайние эмоциональные состояния во фразеологии отражены в «перебрасывании» пьяного на этической шкале библейских ценностей от верхней границы к нижней — от бога к черту, на мифологическом уровне пьяный индивид встречается с существами, побороть которых тяжело (змеи). В таких ситуациях просматриваются очертания крайних границ (бог, черт), а также исчезают все другие параметры — время и пространство (не верящий в бога и черта не понимает, как и когда приближается к ним).

Ассоциирующиеся с религией и мифологией компоненты ФЕ можно приравнять к маркерам перехода границ известного мира. В алкогольной теме присутствует мотив искушения, отражен он и во фразеологии. Основными образами-искусителями выступают черт и змий (зеленый, синий): Р. *допить до зеленого змия*, Б. *напіцца / набрацца да чорцікаў*, У. *напитися / насмоктатися до (зелених) чортиків, напитися / допитися до зеленого / блакитного змія*. В чешском языке это значение реализуется в выражении *spatřit / vidět bílé myšky* (дословно — видеть белых мышек), обозначающем галлюцинации в состоянии сильного алкогольного опьянения.

3. Образ ремесленника: Р. сапожник — Б. шавец — У. швець — Ч. dráteník

Значимой категорией во фразеологии восточных славян и чехов является ремесло, как правило, устаревшее, трансформировавшееся либо в профессию, либо в область искусства. У восточных славян это сапожник (Р. *пьян как сапожник*, Б. *п'яны як шавец*, У. *п'яний як сапожник, п'яний, як швець*). Этим выражениям функционально соответствует чешское: *je opilý jako dráteník* — он пьян как сапожник (в стельку) [27, с. 350, 120].

Таблица 3 – Ассоциации с профессией или занятием
Table 3 – Associations with a profession or occupation

русский	беларусский	украинский	чешский
<i>пьян как сапожник</i>	<i>п'яны як шавец</i>	<i>п'яний як сапожник</i> <i>п'яний, як швец</i>	
			<i>opilý jako dráteník</i>
<i>в стельку пьян</i>		<i>п'яний в устілку</i>	
<i>пьяный как кочегар</i>			
<i>пьян как извозчик</i>	<i>п'яны як рамізік</i>		
	<i>п'яны як каморнік</i>		

Образ мастера проволочного плетения (*dráteník*) в большей мере связан со Словакией и считается символом словацкой культуры, подтверждением тому служит Поважский музей в г. Жилина и сайт, посвященный истории и современному развитию этого мастерства (<https://www.drotaria.sk>). Словацкое слово *Drotár* (от *drôt* — проволока) называет один из самых типичных образов словацких бродячих ремесленников, ходивших от дома к дому и занимавшихся ремонтом керамической посуды, оплетая ее проволокой. Ремесло относится к XVIII – первой половине XX в. В начале XX в. в Словакии насчитывалось приблизительно 5000 представителей этого ремесла. Р. Пэтик пишет: «В наших городах и деревнях иногда появляются люди, которые заявляют о своем ремесле с криком “Hrnce plátat', drôtovať! Sú to drotári...”. Их предки обошли половину Европы, вдохновили многих поэтов и писателей, о них написаны статьи, они запечатлены на полотнах художников» [19, I]. После образования Чехословакии с развитием промышленного производства старое ремесло исчезло. Оно легло в основу нового вида искусства — плетения из проволоки. Сам образ ремесленника — когда-то важной для деревенской среды фигуры — остался запечатленным в чешской ФЕ, хотя в Чехии это ремесло не имело такого широкого распространения, как в Словакии.

Украинский и беларусский *швец* / *шавец* — ‘мастер по пошиву и ремонту обуви или одежды’, так же как чешский *dráteník* — ‘мастер проволочного плетения’, — представители бродячих ремесленников, ходивших по деревням и предлагавших свои услуги. В беларусском фольклоре образ *шаўца* буквально «оброс» различными характеристиками: Б. *лаяцца як шавец* (сквернословить, ругаться); *і шавец, і кравец, і да дзевак маладзец; і шавец, і жнец, і на дудзе ігрэц* (‘мастер на все руки’ в негативном значении). Беларусская классика начала XX в. свидетельствует о востребованности ремесла в городах, местечках и деревнях. Во время выполнения заказа *шавец* жил в крестьянской семье и находился на полном обеспечении хозяев. Ремесло было доходным. Фольклор и художественная литература говорят о пристрастии мастеров к алкоголю: *«шавец шыіць, а жонка з голаду выіць. <...> / Сядзіць мужык на паліцы, / Шыіць боты, рукавіцы. / Што пашыіць, то прап'ець, / Прыдзіць дамоў — жонку б'ець»* [1, I]. В беларусском языке нет выражения, присутствующего в русском и украинском: *в стельку пьян* = *п'яний в устілку*, но образ сапога символично сохранен в устойчивом выражении *п'е як у чобаты лье*.

К категории ‘образ ремесленника’ относятся единицы, известные старшим поколениям носителей рассматриваемых языков, сегодня практически не используемые: Р. *пьяный как кочегар, пьян как извозчик*, Б. *п'яны як рамізік* (рус. извозчик), *п'яны як каморнік* (рус. землемер).

4. Оним как маркер национального образа

Национальными маркерами часто служат имена собственные и топонимы. И те, и другие обычно теряют со временем привязку к породившему их объекту. В русском языке нет выраженных национальных связей с образом пьяного. Русские сами себя довольно часто позиционируют как пьющую нацию, но такая особенность не легла в основу ФЕ. Беларусские словари фиксируют малоиспользуемую единицу *набрацца як Марцін за рубля* и ФЕ, общую для польского, беларусского и украинского языков: Б. *набрацца / спіўся / упіўся / п'яны як Бэля/бэля (бэйля) / У. спився як Беля, П. pijany jak bela*.

Обе единицы — *набрацца як Марцін за рубля і набрацца / напіцца / упіцца як Бэля / бэля / Бэйля / бэйля* — запечатлели ушедшую историю Беларуси. Если Мартин воспринимается как беларус, то Бэля / Бэйля — как представитель другой, но неопределенной конкретно национальности, возможно еврей, однако не читается как маркер «чужого». ФЕ *набрацца як Марцін за рубля* хранит историю о человеке, образ которого, как и сама история, стерся из народной памяти. В настоящее время это имя в беларусском языке относится к редким. Происхождение ФЕ (*набрацца*) як *бэйля* связывают со случившимся с кем-то по имени Бэля или Бэйля. Случай забылся, и имя перестали писать с большой буквы. По Н. А. Даниловичу, подробно рассмотревшему возможные истоки происхождения данной ФЕ, этот антропоним — нечто семантически неочерченное, не совсем понятное [6, с. 86]. Эта ФЕ известна объединенному в прошлом общей историей геополитическому ареалу, представленному сегодня тремя соседними государствами — Польша, Беларусь, Украина, сохранившими в своей лексике и фразеологии общие реалии. ФЕ несет семантику ‘человек в состоянии крайнего опьянения’, но этимология его остается темной.

Чешский язык имеет свою специфику, во ФЕ, обозначающих крайне пьяного человека, в качестве фразеологических компонентов используются обозначения представителей отдельных народов — датчан и голландцев.

Opilý (vožralej, nality) jako Dán — он пьет как сапожник (как бездонная бочка); он пьян (надрался) как сапожник (как свинья). Дословно фразеологизм *opilý (vožralej, nality) jako Dán* переводится — пьян как датчанин.

Таблица 4 – Маркер национальность
Table 4 – The nationality marker

русский	беларусский	украинский	чешский
	<i>набрацца як Бэля/бэля / Бэйля/бэйля</i>	<i>спився як бейла / беля</i>	
	<i>набрацца як Марцін за рубля</i>		
			<i>opilý / Sč vožralej / napařenej / zlítej jako Dán píje jako holendr / Holendr</i>

В разговорной речи есть и другие ФЕ, отсылающие к представителям этой национальности: *sekat dánštinu* (досл. учить датский язык — по аналогии с устаревшей чеш-

ской ФЕ *sekat latinu* — ‘учить латинский язык’ и позже — ‘старательно учиться’), *vylitý jako dánský listonoš* (досл. пьян как датский почтальон — по схеме *vylitý / opilý jako + kdo* — пьян / пьяный как + кто).

ФЕ *opilý (vožralej, nalitý) jako Dán* для иностранца, находящегося на начальной степени изучения чешского языка, в контексте предложения может звучать курьезно и не совсем понятно, например, в названии газетной статьи о хоккее: «*Pařba v Košicích! Američané se opili jako Dáni, pak soupeře smetli*» (Дословно: *Гулянка в Кошице! Американцы напились как датчане, а потом смели соперников*). Безусловно, при переводе на русский язык не может быть использован этноним датчане, он должен быть заменен адекватным вариантом: *американцы напились / нажрались / налакались как свиньи*.

Выражение *opilý (vožralej, nalitý) jako Dán* относительно новое, считается, что его активное употребление в чешском языке начинается со второй половины XX в. Носителям чешского языка хорошо известна синонимичная единица с этнонимом, которая по времени своего возникновения значительно старше, — *Pije jako holendr / Holendr*. Существуют две этимологические версии: 1) *Holand, Holandec, Holandčan, Holander* — соответствует современному *Holand’an* — голландец (т. е. *Pije jako holendr / Holendr* в прямом переводе значит ‘пьет как голландец’); 2) *holendr* — терминологическое название приспособления для помола круп — по версии М. Тешиловой (‘*stroj na mletí krup*’ [22, с. 185–193]). В основе такой «мельницы» находился твердый, вращающийся камень, который необходимо было охлаждать, поэтому по желобкам механизма текла вода. Вторая этимологическая версия обозначает, что кто-то поглощает алкоголь как мельничный механизм, для работы которого вода крайне необходима. Обе версии происхождения ФЕ *Pije jako holendr / Holendr* были подробно рассмотрены В. М. Мокиенко в статье «*Pije jako holendr — nebo jako Holendr?*» [18, с. 63–71]. По своему значению *pije jako holendr / Holendr u pije jako Dán* — синонимичные единицы.

5. Определенность образа пьяного человека

Пьяного человека сравнивают также с предметами и природными явлениями: Р. *пьяный в доску, пьяный в дым*, Б. *п’яны ў дым / дыміну, п’яны як зямля / грязь / дол, п’яны ў дрызіну*, У. *п’яний в дошку / як брус, п’яний у (в) дим, п’яний як грязь / земля, п’яний / питу як чіп, ходити до чопа, п’яний як ніч (темна), п’яний як хлющ, п’яний як квац*, Ч. *(je) namazaný (ožralý) jako slíva, ožralý jako tágo, být vožralej / nalitej jako dělo*. Восточнославянские языки объединяет компонент *в дым*.

Таблица 5 – Определенность образа
Table 5 – Defining the image

русский	беларусский	украинский	чешский
<i>пьяный в доску</i>		<i>п’яний в дошку / як брус</i>	
<i>пьяный в дым</i>	<i>п’яны ў дым / дыміну</i>	<i>п’яний у (в) дим</i>	
	<i>п’яны як зямля / грязь / дол</i>	<i>п’яний як земля / грязь</i>	
<i>пьян как губка</i>			
<i>пьяный в дрезину</i>	<i>п’яны ў дрызіну</i>		
		<i>п’яний/ питу як чіп / ходити до чопа</i>	

		<i>n'яний як ніч (темна)</i>	
		<i>n'яний як хлющ</i>	
		<i>n'яний як квач</i>	
			<i>S↓(je) namazaný / ožralý jako slíva</i>
			<i>S↓ožralý jako tágo</i>
			<i>S↓být vožralej / nalitej jako dělo</i>

В предметной категории большим разнообразием отличается украинский язык, в нем встретим емкую ассоциацию пьяного с темной ночью, а также ФЕ с этнонациональными компонентами *як хлющ*, *як квач*, *як чіп*. Последнее выражение заслуживает особого внимания. «Чіп (корок) — рус. пробка. «пиячити» [7, с. 640–641]. Чіп ассоциируется в украинском языке с глупостью (*дурний як чіп*), *тупий*, *як корок* — ‘тупой как корковая пробка’, с пробкой сравнивают и пьяного: *n'яний*, *як чопок*, *n'яний*, *як чіп*.

В основе чешского ассоциативного мышления лежат сравнения со сливой — *jako slíva*, бильярдным кием — *jako tágo* и пушечным ядром — *jako dělo*. Все приведенные выражения также обозначают крайнюю степень опьянения.

6. Стилистическое снижение, обозначенное «стыдной» частью человеческого тела

К хорошо известным относятся ФЕ с компонентом, обозначающим «стыдную» часть человеческого тела: Р. *напиться / пьяный в дупель*, Б. ^{S↓}*n'яны ў дупу / сраку*, У. ^{S↓}*n'яний в дупу / сраку*, Ч. *byt na sračku*, а также Б. *napіцца да ўсрачкі*. Компонент *дупа* зафиксирован и в польском фразеологизме *w trzy dupy*, также обозначающем пьяного человека и, кроме того, имеющем общее широкое значение ‘(чего-то) чересчур много’.

Таблица 6 – Стилистическое снижение
Table 6 – Stylistic decline

русский	беларусский	украинский	чешский
<i>пьяный в дупель в жопу пьяный пьяный в жопито пьяный в говно</i>	^{S↓} <i>n'яны ў дупу / сраку napіцца да ўсрачкі</i>	^{S↓} <i>n'яний в дупу / сраку</i>	^{S↓} <i>byt na sračku</i>

Приведенные ФЕ остаются за рамками фразеологических словарей в силу своего разговорного характера и сниженной маркированности.

7. Неологизация в образе пьяного

Все восточнославянские языки отразили в своих ФЕ относительно новый образ *мажора*, сформировавшийся в 1980-х гг.: Р. *пьяный мажор* = Б. *n'яны мажор* = У. *n'яний мажор*. Под мажором подразумевают представителя «золотой» молодежи, который, благодаря обеспеченным или высокопоставленным родителям, пользуется жизнью и не обременяет себя какими-либо обязанностями. Чисто русским неологизмом последнего времени является ФЕ *пьян в сосиску*, объяснения которому нет.

Модным словом последнего времени, тяготеющим к многозначности, становится в русском сленге слово *щи* (*щищи*), оно прежде всего обозначает лицо и человека вообще, а также несет выразительный дополнительный оттенок основного значения — ‘недовольное’, ‘кислое’, ‘озадаченное’. Выражение *на сложных щах* значит ‘с напряженным / недовольным / кислым лицом’. Кроме того, лексема *щи* (*щищи*) активна в отражении алкогольной темы: *пьяный в щи*.

Таблица 7 – Неологизация
Table 7 – Neologization

русский	беларусский	украинский	чешский
<i>пьяный мажор</i> ^N	<i>п'яны мажор</i> ^N	<i>п'яний мажор</i> ^N	
<i>пьян в сосиску</i> ^N <i>пьяный в щи</i> ^N			
			<i>na rokytku/Rokytku / vylít se jak Rokytká</i>

Чешский неологизм *na Rokytku* обозначает ‘быть пьяным до беспамятства’ и имеет дату рождения — 2018 г. Его возникновение связано с празднованием победы на вторых президентских выборах Милоша Земана. На вечеринке, устроенной Президентом, редактор чешской газеты «Парламентские вести» (Parlamentní listy) Милан Рокитка (Milan Rokytká) исключительно пивом «Златопрамен» сумел напиться до невменяемого состояния и дал так импульс для возникновения новой фразеологической единицы [26].

Заключение

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что славянские языки в характеристике пьяного человека задействуют различные тематические области, от мифологических и библейских мотивов до современных неологических тенденций. Пьяный человек в чешском и восточнославянских языках в состоянии крайнего алкогольного опьянения сравнивается со свиньей и — обобщенно — с образом домашних животных — скотиной. Причем наиболее древние выражения часто теряют сравнительный элемент «как», в результате чего между пьяным человеком и свиньей (или ее аналогом) ставится знак равенства: Б. *пьяная скаціна / быдла*, У. *п'яна / п'яночка скотина*, Р. *свинья*, Ч. *to je prase / svině*. Все рассмотренные языки используют названия устаревших, когда-то популярных ремесел (Р. *сапожник*, Б. *шавец*, У. *швець*, Ч. *dratník*), свидетельствующих об ареальных предпочтениях.

Значимым в данной теме видится отражение основных категориальных свойств устойчивых сравнений, на которые указывает В. М. Мокиенко: раздельнооформленность, устойчивость и экспрессивность, специфика которых «просвечивается» сквозь ярко выраженную и эксплицитно маркированную союзом *как* образность. И хотя образность не является, по-нашему определению ФЕ, категориальным свойством УС, она играет едва ли не доминирующую роль для этой категории фразеологии. Можно даже высказать парадоксальную мысль: если для фразеологии вообще образность не категориальна, ибо существует немало безобразных ФЕ, то для УС она категориальна» [11, с. 41].

Рассмотренные фразеологизмы детализируют образ человека в состоянии алкогольного опьянения, уточняют и очерчивают границы бессознательного, к которому приближается индивид с измененным состоянием сознания.

В чешском языке наиболее частотными анималистическими компонентами-синонимами для характеристики пьяного индивида выступают *prase*, *svině*, *dobytek* и *zvíře*, которым в русском языке соответствует *свинья*, и реже — *скотина*. К частотным относятся выражения: *opilý (vožralej, nality) jako Dán, ožralý jako prase / svině, je [opilý, ožralý, zpitý] pod obraz [boží], nasátý / napitý jako hovado (ožralé hovado)*; менее частотны выражения: *(je) namazaný (ožralý) jako slíva* (слива) — он пьян в стельку (в дрезину); *ožralý jako túgo* (бильярдный кий) — пьяный в дробадан (в дупель, в доску, в дым, в стельку) (досл. пьяный как бильярдный кий).

Кроме сравнительных, во фразеологии представлены и другие конструкции: *být na mol opilý / být vopilý na mol* (čl. v chování, zvl. pohybem a sebekontrolou: být úplně opilý n. nepřičetný) [24, с. 597] — то же, что пьяный в дробадан (в дупель, в доску, в дым, в стельку); *vrátit se opilý: přijít domu / vrátit se s opicí / vopicí n. s veselou* [23, с. 558] — прийти под мухой / под шофе; *pije jako duha* — он пьет как сапожник, он пьет как бочка, он пьет как лошадь [27, с. 126]; *opíjet se / pít / zpít se do němoty* — пить (напиваться) / напиться (упиваться / упиться) до потери сознания (до чертиков, до положения риз, до бесчувствия) [27, с. 350, 319–320].

Выводы

Рассмотренные ФЕ свидетельствуют о том, что объект нашего исследования — человек в состоянии опьянения — отдаляется от понятного ему «своего» мира и приближается к границе «чужого». «Чужое» в этом контексте выражено различными категориями:

- анималистический мир: Р. *пьяный как скотина, пьяное быдло, пьяный как (последняя) свинья, пить как лошадь*; Б. *п'яная скаціна, п'янае быдла, набрацца / набрацца як свіння / парася / дзюдзя (брагі / грази), набрацца як жаба твані*; У. *п'яна / п'янюча скотина, п'яне бидло, п'яний як теля, допався як кінь до калюжі*; Ч. *je zpitý jako dobytek*;
- мир профессиональных занятий и интересов: Р. *пьян как сапожник, в стельку пьян, пьяный как кочегар, пьян как извозчик*; Б. *п'яны як шавец, п'яны як рамізік, п'яны як каморнік*; У. *п'яний як сапожник, п'яний в устілку, п'яний, як швец*; Ч. *opilý jako dráteník*;
- мир иной ментальности, воплощенный в образах других национальностей: Ч. *opilý /^{s1} vožralej / parařenej / zlítej jako Dán, pije jako holendr/ Holendr*;
- мир уходящий или забытый, стертый из памяти: Б. *набрацца як Бэля / бэля / Бэйля / бэйля, набрацца як Марцін за рубля*; У. *спився як бейла / беля*;
- мир, апеллирующий к высшим и нижним божествам: Р. *(пьян) до положения риз*; Б. *да божай моцы напіцца, напіцца / набрацца да чорцікаў*; У. *напитися / насмоктатися до (зелених) чортків, напитися / допитися до зеленого / блакитного змія (до чортків)*; Ч. *opilý pod obraz (boží)*;
- мир соматических образов, превращающий в аллегория те части тела, о которых в обычном «нормальном» состоянии сознания не принято говорить вслух: Р. *набраться в дупель*; Б. ^{s1} *п'яны ў дуну / сраку*; У. ^{s1} *п'яний в дуну / сраку*; Ч. *but na sračku*.

— звукоподражательный маркер: Р. *napit'ься do porosjač'ьego vizga*; Б. *набраўся дыі брэша, як сабака; набрацца да парасячага піску*; У. *napit'ься do porosjač'ьogo veresku*.

К собственно национальным ФЕ, характеризующим пьяного человека, можно отнести следующие: Ч. *opily' jako dráteník, opily' /^{s↓} vožralej / parařenej /^{s↓} zlitej jako Dán, pije jako holendr/ Holendr*; Р. *п'ян до положения риз, п'ян в сосиску, п'яный в щи*; Б. *набрацца як Марцін за рубля*; У. *п'яний як чіп, п'яний як ніч (темна), п'яний як хлюц, п'яний як квач*.

Данная статья не претендует на полноту освещения образа пьяного человека в чешском и восточнославянских языках. Исходя из поставленных задач, выборка единиц была максимально ориентирована на извлечение эквивалентных фразеологизмов и национально окрашенных. Проведенный анализ свидетельствует о схожести представлений славянских народов о пьяном человеке, а также о существовании собственных аллюзий.

Сокращения

Б. — белорусский язык

П. — польский язык

Р. — русский язык

Словацк. — словацкий

У. — украинский язык

ФЕ — фразеологическая единица

S↓ — стилистически сниженная единица

Примечание

При цитировании источников из Интернета, где невозможно указать страницу, за годом издания использовано сокращение I — интернет-источник. Например: [1, I].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Барадулін Р. Здубавецьця. Менск: ТАА Паліфакт, 1996. 158 с.
- 2 Білоноженко В., Гнатюк С., Дятчук В., Неровня Н., Федоренко Т. Словник фразеологізмів української мови. Київ: Наукова думка, 2003. 984 с.
- 3 Бойченко А. Г. Репрезентация концепта «Питие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 22 с.
- 4 Валодзіна Т. В., Салавей Л. М. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў. Мінск: Беларуская навука, 2011. 482 с.
- 5 Вирган І. О., Пилинська М. М. Російсько-український словник сталих виразів. Харків: Прапор, 2000. 863 с.
- 6 Даніловіч М. А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове. Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. 300 с.
- 7 Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури. К.: Довіра, 2006. 703 с.
- 8 Калита И. В. Очерки по компаративной фразеологии. Серая палитра в национальных картинах мира русских, белорусов и чехов. М.: Дикси Пресс, 2016. 176 с.
- 9 Лепешаў І. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. Т. 1. 672 с. Т. 2. 702 с.

- 10 *Mizín K. I.* Особливості валоризації концепту «алкоголь» у германських і східнослов'янських лінгвокультурах (на матеріалі усталених порівнянь англійської, німецької, української та російської мов) // Мовознавство. 2011. № 2. С. 57–68.
- 11 *Мокиєнко В. М.* Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. СПб.: Грайфсвальд, 2016. С. 37–50.
- 12 *Пелехата О. М.* Поліфункційність семантики лексем «пияк, п'яний» у слов'янських мовах // Наукові записки НаУОА. Серія: Філологічна. 2014. Вип. 4. С. 322–323.
- 13 *Ужченко В. Д., Ужченко Д. В.* Фразеологічний словник української мови. К.: Освіта, 1998. 224 с.
- 14 *Beranová M.* Jídlo a pití v pravěku a ve středověku. Praha: Academia, 2007. 360 s.
- 15 *Kalita I.* Česko-běloruský frazeologický slovník. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2017. 258 s.
- 16 *Kavka M., Škrabal M. a kol.* Hacknutá čeština: neortodoxní slovník dnešní mateřštiny. Brno: Jan Melvil Publishing, 2018. 272 s.
- 17 *Ledwoń M.* Synonyma stavu opilosti // Ledwon.blog.idnes.cz. URL: <https://ledwon.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=493489> (дата обращения: 05.02.2020).
- 18 *Mokijenko V.* Pije jako holendr — nebo jako Holendr? // Naše řeč. 1973. R. 56, Č. 2. S. 63–71.
- 19 *Rezső Petik.* Drotári z Hegyközu // Národopis Slovákov v Maďarsku. Budapešť, 1975. 185 s. URL: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_nemzetisegek/szlovakok/a_magyarorszagi_szlovakok_neprajza_1975/pages/nsvm1975_08_petik.htm (дата обращения: 05.02.2020).
- 20 *Savchenko A., Khmelevskiy M.* «Культура пития» и ее отражение в украинском языке: лексике, фразеологии и паремиологии // Языкознание. 2018. 1(12). С. 109–120.
- 21 *Słowiańska frazeologia gwarowa / pod redakcją M. Raka i K. Sikory.* Biblioteka LingVariów. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016. T. 23. 280 s.
- 22 *Těšitelová M.* Slovník starých českých mlýnů // Naše řeč. 1963. R. 46. Č. 4. S. 185–193.
- 23 *Čermák F., Hronek J., Machač J.* Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání. Praha: Academia, 1983. 492 s.
- 24 *Čermák F., Hronek J., Machač J.* Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. Praha: Academia, 1988. 511 s.
- 25 *Čermák F., Hronek J., Machač J.* Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A — P. Praha: Academia, 1994. 757 s.
- 26 *Čermák F., Hronek J., Machač J.* Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R — Ž. Praha: Academia, 1994. 634 s.
- 27 *Wurm A., Mokienko V.* Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého, 2002. 659 s.

© 2021. Inna V. Kalita
Ústí nad Labem, Czech Republic

**DRUNKEN PERSON IMAGE
AND ITS REFLECTION IN SLAVIC PHRASEOLOGY**

Abstract: This article looks at the drunken person image in terms of Czech and Eastern Slavic phraseology. Person's "relationship" with alcohol is described in a significant amount of cases using a comparing construction containing conjunction "like". Most often a drunken person is compared to animals (*свинья, скотина*), also sometimes biblical references are used: Russian (*пьян до положения риз*), Belarusian *да божаі моцы напіцца*, Czech *opilý pod obraz (boží)*. In phraseology the alcohol theme also refers to the motif of temptation with devil and snake as the tempters. In all of the analysed languages we can find a phrasing [*drunk like a (various craftsmen) / (thing) / (natural phenomenon)*], while foul language uses disgraceful expressions for reproductive organs. The analysis of dictionaries allows us to identify a number of ethnophraseologisms: Czech *opilý jako Dán*; Russian *пьян до положения риз*; Belarusian *набрацца як Марцін за рубля*; Ukrainian *п'яний як чп*. The end of the 20th century is connected with a process of phraseological innovation — e.g. *пьяный мажор* enters Eastern Slavic languages. In Russian colloquial dictionary we meet contemporary examples *пьян в сосиску и пьяный в щи*, Czech contemporary analogue is *na rokytku/Rokytku*. The analysed idioms show us that a drunken person is distanced from his "usual" self and becomes "strange". Given individual characteristics, phraseological image of a drunk is very similar in four Slavic languages.

Keywords: Comparative phraseology, Russian, Belarusian, Ukrainian, Czech, idioms, image of a drunk, equivalent, stereotype, associations, animal component, blue colour.

Information about the author: Inna V. Kalita — PhDr., PhD in Philology, research associate, Jan Evangelista Purkyně University, Ceske mladeze, 8, 40096 Usti nad Labem, Czech Republic. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0005-1425>. E-mail: inna.kalita@ujep.cz

Received: February 05, 2020

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Kalita I. V. Drunken person image and its reflection in Slavic phraseology. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 123–138. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-123-138>

REFERENCES

- 1 Baradulin R. *Zdubavets'tsia* [Tree and branches]. Minsk, TAA Palifakt Publ., 1996. 158 p. (In Belarusian)
- 2 Bilonozhenko V., Gnatiuk S., Diatchuk V., Nerovnia N., Fedorenko T. *Slovník frazeologizmiv ukraínskoj movi* [Dictionary of Ukrainian phraseology]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2003. 984 p. (In Ukrainian)
- 3 Boichenko A. G. *Reprezentatsiia kontsepta "Pitie" v russkoi iazykovoi kartine mira* [Representation of the concept of "Drinking" in the Russian language picture of the world: PhD thesis, summary]. Abakan, 2009. 22 p. (In Russian)

- 4 Valodzina T. V., Salavei L. M. *Sloŭnik belaruskikh narodnykh paraŭnanniaŭ* [Dictionary of Belarusian comparative idioms]. Minsk, Belaruskaia navuka Publ., 2011. 482 p. (In Belarusian)
- 5 Virgan I. O., Pilins'ka M. M. *Rosiis'ko-ukraïns'kii slovník stalikh viraziv* [Russian-Ukrainian Dictionary of Idioms]. Khar'kiv, Prapor Publ., 2000. 863 p. (In Ukrainian)
- 6 Danilovich M. A. *Slova i frazealogizm u belaruskai move* [Word and idiom in Belarusian]. Grodna, IurSaPrynt Publ., 2015. 300 p. (In Ukrainian)
- 7 Zhaivoronok V. V. *Znaki ukraïns'koï etnokul'turi* [Signs of Ukrainian ethnoculture]. Kiev, Dovira Publ., 2006. 703 p. (In Ukrainian)
- 8 Kalita I. V. *Ocherki po komparativnoi frazeologii. Seraia palitra v natsional'nykh kartinakh mira russkikh, belarusov i Chekhov* [Essays on Comparative Phraseology. Grey Colour Palette in National Pictures of the World as Reflected by Russians, Belarusians and Czechs]. Moscow, Diksi Press Publ., 2016. 176 p. (In Russian)
- 9 Lepeshaŭ I. *Sloŭnik frazealogizmaŭ: u 2 t.* [Phraseological Dictionary. Vol. 2]. Minsk, Belaruskaia entsyklopedyia imia P. Broŭki Publ., 2008. Vol. 1. 672 p. Vol. 2. 702 p. (In Belarusian)
- 10 Mizin K. I. Osoblivosti valorizatsii kontseptu “alkogol” u germans'kikh i skhidnoslov'ians'kikh lingvokul'turakh (na materialu ustalenykh porivnian' angliis'koï, nimets'koï, ukraïns'koï ta rosiis'koï mov) [Features of the “Concept Alcohol” evaluation in Germanic and East Slavic linguocultures (on the material of English, German, Ukrainian and Russian languages)]. *Movoznavstvo*, 2011, no 2, pp. 57–68. (In Ukrainian)
- 11 Mokienko V. M. Ustoichivye sravneniia v sisteme frazeologii [Comparative units in the phraseological system]. *Ustoichivye sravneniia v sisteme frazeologii* [Comparative units in the phraseological system]. St. Petersburg, Graifsva'd Publ., 2016, pp. 37–50. (In Russian)
- 12 Pelekhata O. M. Polifunktsiinist' semantiki leksem “piiak, p'ianii” u slov'ians'kikh movakh [Polyfunctionality of the semantics of lexical “drunk” in Slavic languages]. *Naukovi zapiski NaUOA. Series: Filologichna* [Philological Series], 2014, vol. 4, pp. 322–323. (In Ukrainian)
- 13 Uzhchenko V. D., Uzhchenko D. V. *Frazeologichnii slovník ukraïns'koï movi* [Dictionary of ukrainian Phraseology]. Kiev, Osvita Publ., 1998. 224 p. (In Ukrainian)
- 14 Beranová M. *Jídlo a pití v pravěku a ve středověku* [Food and drink in prehistoric and medieval times]. Praha, Academia Publ., 2007. 360 p. (In Czech)
- 15 Kalita I. *Česko-běloruský frazeologický slovník* [Czech-Belarusian phraseological dictionary]. Ústí nad Labem, PF UJEP Publ., 2017. 258 p. (In Czech)
- 16 Kavka M., Škrabal M. a kol. *Hacknutá čeština: neortodoxní slovník dnešní mateřštiny* [Hacked English: an unorthodox Dictionary of today's mother tongue]. Brno, Jan Melvil Publishing Publ., 2018. 272 p. (In Czech)
- 17 Ledwoń M. Synonyma stavu opilosti [Synonyms of the state of drunkenness]. *Ledwon.blog.idnes.cz*. Available at: <https://ledwon.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=493489> (accessed 05 February 2020). (In Czech)
- 18 Mokijenko V. Pije jako holendr — nebo jako Holendr? [Drinks like a grinder — or like a Dutchman?]. *Naše řeč*, 1973, no 56, part 2, pp. 63–71. (In Czech)
- 19 Rezső Petik. Drotári z Hegyközu [Drotári z hegyköz]. *Národopis Slovákov v Maďarsku* [Ethnography of Slovaks in Hungary]. Budapešť, 1975. 185 p. Available at: https://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorsza_gi_nemzetisegek/szlovakok/a_

- magyarorszagi_szlovakok_neprajza_1975/pages/ nsvm1975_08_petik.htm (accessed 05 February 2020). (In Slovak)
- 20 Savchenko A., Khmelevskiy M. “Kul'tura pitia” i ee otrazhenie v ukrainskom iazyke: leksike, frazeologii i paremiologii [“Drinking culture” and its reflection in the Ukrainian language: vocabulary, phraseology and paremiology]. *Językoznawstwo*, 2018, no 1(12), pp. 109–120. (In Russian)
- 21 Słowiańska frazeologia gwarowa [Slavic dialect phraseology], edited by M. Raka i K. Sikory. Biblioteka LingVariów. Kraków, Uniwersytet Jagielloński Publ., 2016. Vol. 23. 280 p. (In Polish)
- 22 Těšitelová M. Slovník starých českých mlýnů [Dictionary of old Czech Mills]. *Naše řeč*, 1963, no 46, part 4 pp. 185–193. (In Czech)
- 23 Čermák F., Hronek J., Machač J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání* [Dictionary of Czech phraseology and idiomatics]. Praha, Academia Publ., 1983. 492 p. (In Czech)
- 24 Čermák F., Hronek J., Machač J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné* [Dictionary of Czech phraseology and idiomatics. Non-verbal expressions]. Praha, Academia Publ., 1988. 511 p. (In Czech)
- 25 Čermák F., Hronek J., Machač J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné A — P* [Dictionary of Czech phraseology and idiomatics. Verb expressions A — P]. Praha, Academia Publ., 1994. 757 p. (In Czech)
- 26 Čermák F., Hronek J., Machač J. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné R — Ž* [Dictionary of Czech phraseology and idiomatics. Expressions of the verb R — Ž]. Praha, Academia Publ., 1994. 634 p. (In Czech)
- 27 Wurm A., Mokienko V. *Česko-ruský frazeologický slovník* [Czech-Russian phraseological dictionary]. Olomouc, Univerzita Palackého Publ., 2002. 659 p. (In Czech)